

Т Р И Г О Р С К О Е

МИНИСТЕРСТВО
КУЛЬТУРЫ РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПУШКИНСКИЙ
ЗАПОВЕДНИК

ТРИГОРСКОЕ

КРАТКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

„Художник

РСФСР“ • Ленинград • 1965

Но и в дали, в краю чужом
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней...

А. С. Пушкин

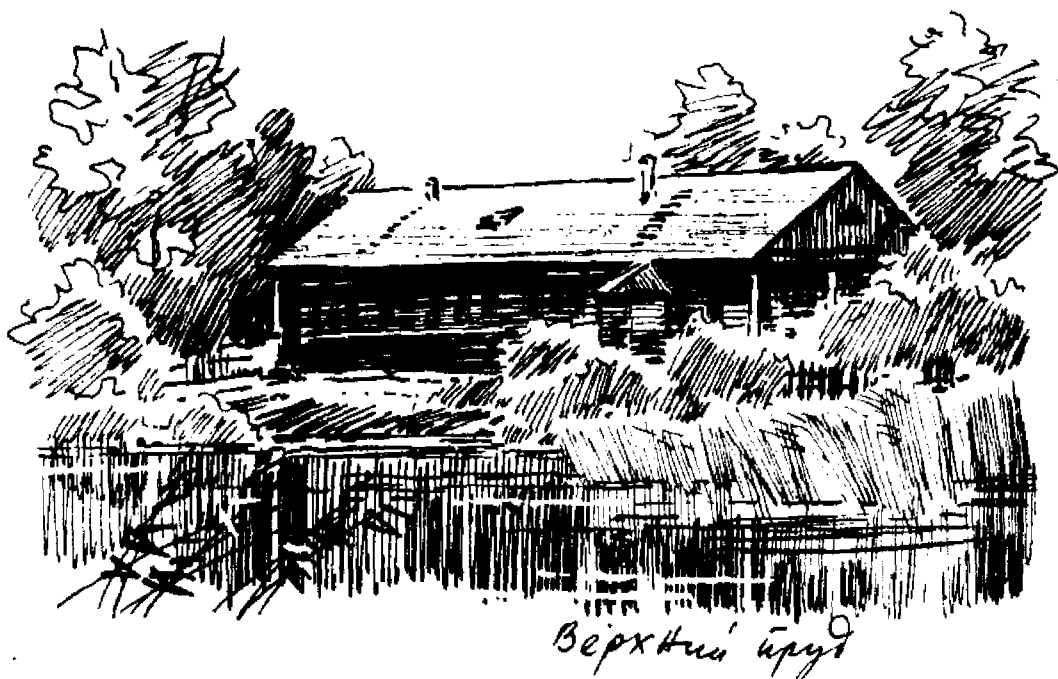
В двух с половиной верстах от Михайловского, на берегу реки Сороти, среди полей и лугов, на одном из смежных холмов высится Тригорское, имение Осиповых-Вульф, соседей и друзей Пушкина,— место, связанное с жизнью и творчеством великого поэта и потому ставшее бесконечно дорогим всем советским людям, всему человечеству.

История Тригорского — характерная история русского дворянского гнезда. В 1762 году Екатерина II щедро наградила шлиссельбургского коменданта М. Д. Вындомского Егорьевской губой, в состав которой входило сельцо Тригорское. Его унаследовал А. М. Вындомский. В 1813 году, после его смерти, хозяйкой имения стала его дочь—Прасковья Александровна Осипова-Вульф. Она, пятеро ее детей от первого брака — Анна, Евпраксия, Алексей, Михаил и Валерьян Вульф, двое детей от второго замужества — Мария и Екатерина Осиповы, падчерица Александра Осипова, племянницы Анна Керн и Анна Вульф, зачастую гостившие там, составляли большую даровитую, образованную семью Осиповых-Вульф — обитателей Тригорского в пушкинское время. Для всех них и для гостившего здесь в 1826 году поэта Н. М. Языкова Пушкин, как поэт и человек, стал предметом самого искреннего поклонения.

Каждый свой приезд в Михайловское он бывал и в Тригорском, а в годы михайловской ссылки часто называл себя „тригорским изгнанником“. Тригорскому и его обитателям Пушкин

посвятил такие шедевры, как „Простите, верные дубравы“, „Цветы последние милей“, „Если жизнь тебя обманет“, „Признание“, „Я помню чудное мгновенье“ и многие другие.

Как и Михайловское, Тригорское согласно декрету Совета Народных Комиссаров от 17 марта 1922 года стало неотъемлемой частью Государственного Пушкинского заповедника.

ДОМ ОСИПОВЫХ-ВУЛЬФ

Поднявшись по ступенькам на крайний северный холм, мы подходим к тригорскому дому.

...Дом, где пировали мы,
Приют, сияньем муз одетый, —

благодарно вспоминал о нем Пушкин.

В первоначальном своем виде дом не сохранился. В соответствии с генеральным планом развития мемориальной части Пушкинского заповедника он был воссоздан в 1962 году на старом фундаменте по сохранившимся изображениям и описаниям.

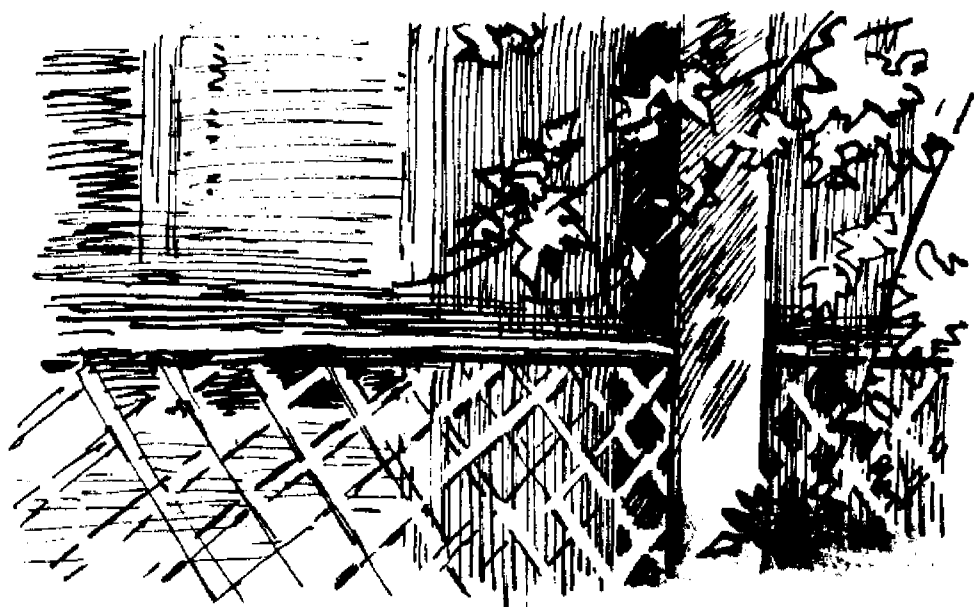
Одноэтажный, деревянный, крытый и обшитый некрашеным тесом, дом был так прост потому, что когда-то здесь находилась полотняная фабрика, а господский дом располагался

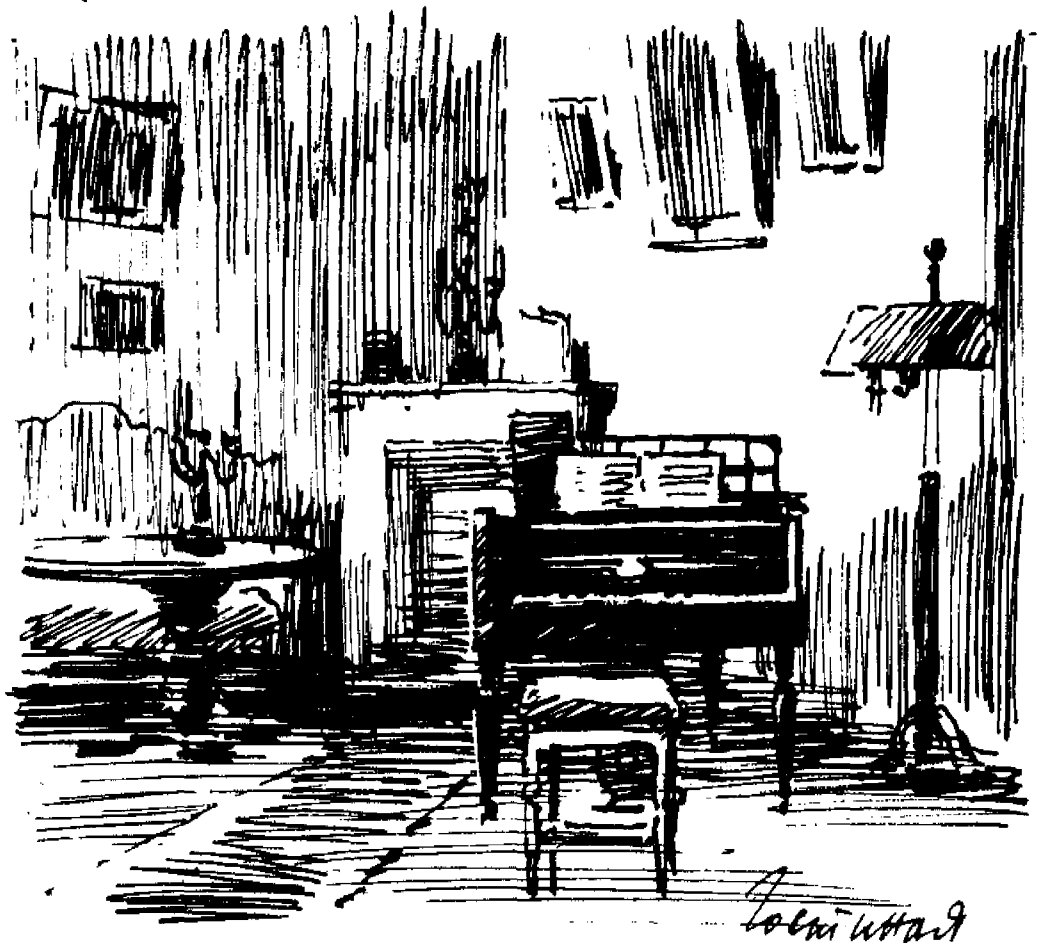
в глубине парка, южнее липового зеленого зала.

Только в 1820-х годах, задумав перестроить старый дом, П. А. Осипова перебралась сюда. Дом был переделан, украсился высокими портиками с деревянными колоннами. Вид его вполне отвечал традиционному представлению о господском деревенском доме, уединенном, над рекой, на горе, с открывающимся оттуда поразительно красивым видом на скрестные поля, луга и лес.

Южную половину дома с запада на восток занимали: комната П. А. Осиповой, гостиная, комнаты Евпраксии Вульф, Алексея Вульфа, буфетная и кладовая; на север выходили передняя, столовая, библиотека, девичья, классная комната, примыкавшая к балкону.

Стулья и кресла с накладными подушками, диваны, ломберные столы, настенные зеркала, часы, многочисленные мелочи — сувениры, альбомы — составляли обстановку обжитого уют-

ного господского дома с переходящим из поколения в поколение налаженным бытом, удобствами, развлечениями. Всего этого очень не хватало поэту в Михайловском и потому особенно приятно ему было здесь. „Каждый день, часу в третьем пополудни, Пушкин являлся к нам из своего Михайловского, — вспоминала М. И. Осипова. — Ну, пришел Пушкин — все пошло вверх дном: смех, шутки, говор так и раздаются по комнатам“.

Это был интересный и для чисто профессиональных наблюдений поэта дом, где следят за литературой, музыкой, поначалу мечтают „в просвещении быть с веком наравне“, проходят уни-

верситетский курс, военную карьеру, выходят в отставку, выколачивают из крестьян доход и, наконец, оседают в наследственном углу, забыв мечтанья прежних лет, превращаясь в того деревенского старожила, что „с ключницей бранился, в окно смотрел, да мух давил“.

Многие из наблюдений Пушкина над бытом и нравами тригорских помещиков и их крепостных нашли свое отражение в романе „Евгений Онегин“. Вместе с тем некоторые из своих мыслей поэт обсуждал с самими же хозяевами имения. Здесь он читал поэму „Цыганы“, строфы „Онегина“. Особенно привлекала поэта большая библиотека. В книжных шкафах черного дерева и „под орех“ теснились сочинения Ломоносова, Шекспира, Горация, книги по истории России, Франции, Англии, Древнего Рима, учебники по естествознанию, физике, химии, карты, словари — словом, своеобразный домашний университет, столь полезный Пушкину в михайловском изгнании. В гостиной сейчас стоит рояль, такой же как при Пушкине. Поэт слушал здесь в прекрасном исполнении пьесы Глинки, Россини, Моцарта, Бетховена.

...Везде, везде в душе моей,
Благословлю моих друзей,
Нет, нет нигде не позабуду
Их милых ласковых речей... —

писал он о своих тригорских друзьях.

Еще современники поэта оценили Тригорское как Пушкинский заповедник. Последние вла-

дельцы имения организовали в доме маленький музей (пушкинская комната), где были сосредоточены вещи, имевшие отношение к Пушкину: столик, за которым он писал, когда гостил в Тригорском, ночной его столик с изображением мадонны, большая потемневшая картина „Искушение святого Антония“.

Из подлинных вещей, с которыми непосредственно связаны воспоминания о Пушкине, в Доме-музее Тригорского хранятся рабочая шкатулка и чернильница, подаренная поэтом Е. Н. Вульф, стол, за которым он работал в Тригорском, кресло А. Н. Вульф, часы, картины фламандской школы. Здесь же вещи из тригорского дома, не связанные прямо с именем Пушкина, предметы обстановки того времени, а также копии рукописей пушкинских произведений, посвященных обитателям Тригорского, письма поэта и к поэту и другие документальные материалы.

ПАРК

Тесно связан с воспоминаниями о Пушкине и живописный Тригорский парк. Это замечательный образец русского садово-паркового искусства второй половины XVIII века. Он занимает площадь в 20 гектаров.

От фундамента дома Осиповых-Вульф между прудом и поросшим деревьями скатом холма к реке Сороти ведет тропинка к парку. Вот она перешла в небольшую липовую аллею. Первый

поворот направо — аллея выходит на площадку у обрыва над рекой. Тридцать старых лип образуют естественную беседку. Под склонившимся к обрыву старым дубом — старинная садовая скамья — „скамья Онегина“. Так нарекло этот поэтический уголок Тригорского парка предание, возникшее в семье Осиповых-Вульф, связавшее с этим местом сцену объяснения Онегина с Татьяной в знаменитом пушкинском романе.

Отсюда открывается замечательный вид на приволье полей, лугов, причудливые изгибы Сороти; хорошо видна дорога из Михайловского, по которой Пушкин приезжал в Тригорское.

Вернувшись в аллею, идем прямо до развилки дорожек у старого развесистого дуба. Справа — спуск к поросшему дерном фундаменту старой баньки. Здесь иногда ночевал Пушкин. Особенно часто бывал он в этом домике летом 1826 года, когда в Тригорском гостил поэт Н. М. Языков. Тут Пушкин, Языков, Дельвиг, Вульф мечтали о будущей свободной русской литературе, тут звучали их стихи, пенились бокалы.

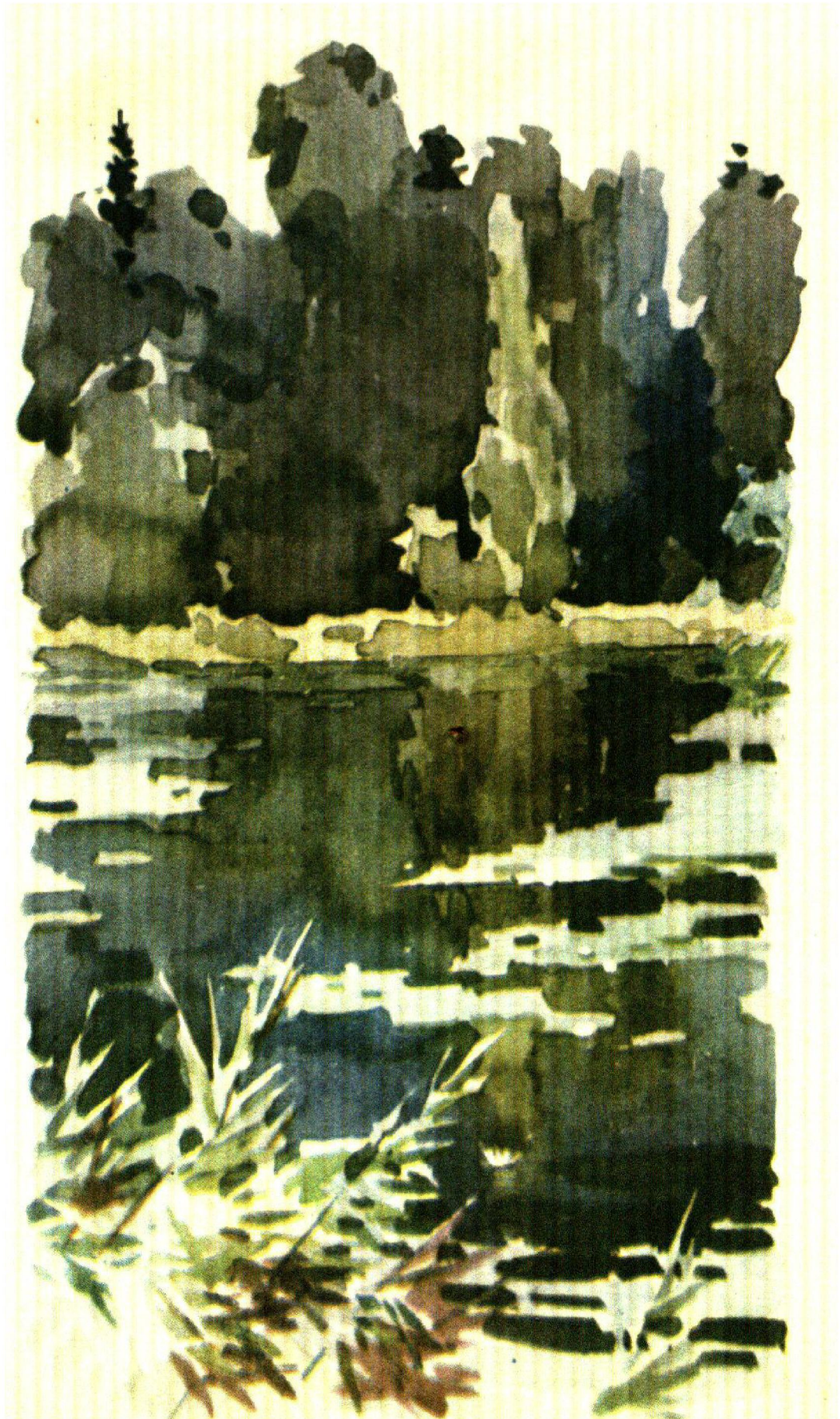
Напротив фундамента — беседка из старых лип. Несколько маршей деревянной лестницы ведут к месту купальни Осиповых-Вульф. Неподалеку — группа рябинок, „Место под рябинами“ над Соротью, где впоследствии мечтал Пушкин встретиться со своими тригорскими друзьями.

Вернемся к „скамье Онегина“. Перед нами — прямоугольная большая площадка,

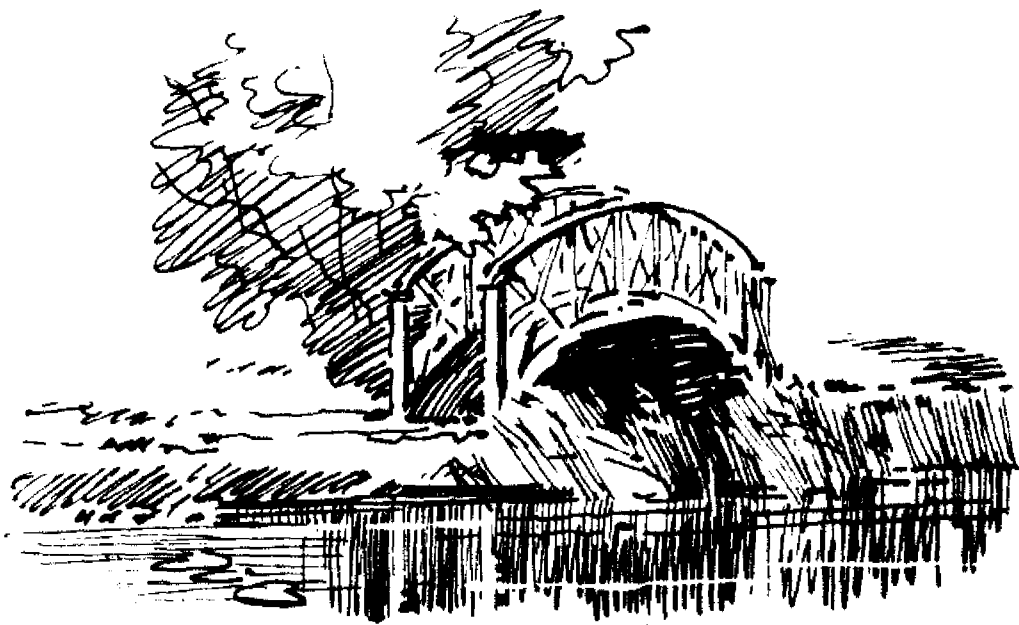
обсаженная старыми липами, — это „Зеленый танцевальный зал“, его огибает красивая узкая аллея из старых лип. Здесь когда-то звучали вальсы и кадрили, слышались шутки, смех тригорской молодежи.

Неподалеку — барбарисовый куст, из зарослей которого едва выбрался Пушкин, прыгнув туда в порыве шалости. Над узким заросшим

овражком повис мостик. За мостиком — маленький пруд; старые деревья, белые кувшинки на больших зеленых листьях красиво отражаются в его зеленоватой глади. Одной из березок на берегу этого пруда Пушкин когда-то спас жизнь: он упросил хозяйку Тригорского, П. А. Осипову, не вырубать дерево. Зеленый холм на противоположном берегу пруда служит водоразделом, за ним другой — большой прямоугольный верхний пруд. В нескольких шагах от него начинается главная аллея Тригорского парка.

На светлом легком фоне листья лип и дубов выделяется „ель-шатер“ — своеобразный парковый „сюрприз“. Прямой и ровный тридцатиметровый ствол, темные густые ветви придают дереву сказочный вид, образуя настоящий зеленый шатер. Пушкин упоминает это прекрасное дерево в черновой рукописи пятой главы романа „Евгений Онегин“ и в лирическом отступлении, где

пишет о своей благодарной любви к Тригорскому:

Но там и я свой след оставил,
Там, ветру в дар, на темну ель
Повесил звонкую свирель...

Поэтичным символом Тригорского, многих радостей, творческих исканий и побед, которые Пушкин пережил там, он избирает именно „ель-шатер“.

В конце главной аллеи, справа — березка с двумя тонкими стволами, посаженная на месте старой „березы-седла“, погибшей от грозы много лет тому назад. По преданию, бросил когда-то Пушкин в дупло старой березы не то кольцо, не то монетку.

По тенистой аллее мимо вековых лип, стеной ограждающих парк от соседнего луга, или вернувшись к „ели-шатру“, свернув от нее налево, выходим к круглой зеленой лужайке. Когда-то вокруг лужайки было посажено двенадцать дубов, пять из них сохранились до сих пор. В центре лужайки — высокий шест. Тень от него, падая между дубами, указывает время. Это старинные „солнечные часы“.

От лужайки аллея ведет к воспетому Пушкиным величавому трехсотлетнему дубу, одиноко стоящему на насыпной горке.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

У этого могучего дерева невольно приходит на память сказочный дуб — „у лукоморья“, так и нарекло дерево предание, тоже возникшее в семье Осиповых-Вульф. Дуб, как и весь Тригорский парк, сильно пострадал в период фашистской оккупации.

Восстановленный разросшийся парк с его вековыми деревьями и парковыми затеями теперь не только навевает воспоминания о Пушкине, но и говорит о любви советского народа к своему великому национальному поэту.

ГОРОДИЩЕ ВОРОНИЧ

Рядом с Тригорским парком — городище Воронич — памятник далекого героического прошлого русского народа, его славной истории.

Высокий холм — остатки бывшей здесь в XIV—XVI вв. крепости, воздвигнутой, по свидетельству летописца, умелыми руками псковских строителей крепостей. Она находилась в центре псковского пригорода Воронич. Воронич имел большое значение как пограничный стратегический пункт, защищавший наряду с другими пригородами подступы к Пскову с юго-запада, и как важный торговый пункт, обеспечивающий удобную переправу по торговому тракту из Москвы и Пскова на Литву и Польшу.

В XV веке в Ворониче числилось до 400 податных дворов и несколько монастырей. В народе сохранилось предание о том, что в приго-

роде и вокруг него было 77 церквей и монастырей. Значительно превышая Велье, Опочку, Остров и другие пригороды Пскова, Воронич достиг расцвета к концу XVI века. Полчища Стефана Батория разгромили крепость и, отступая, разрушили пригород.

Дальнейшие набеги иноземцев на Воронич, лишенный крепости и ратных людей, привели к его окончательному уничтожению.

Вершина холма, опоясанная с юго-запада высоким и крутым валом, представляет собою подковообразную по форме площадь размером более полутора гектаров. В далеком прошлом она была обнесена высокими деревянными стенами с башнями по углам.

Крепость имела двое ворот, к которым вели боковые дороги. Следы этих дорог сохранились до сих пор. Внутри крепости находились склады оружия, боеприпасов и продовольствия, „осадные клетки“ — постройки легкого типа, которые являлись временным убежищем для окрестных жителей в моменты опасности.

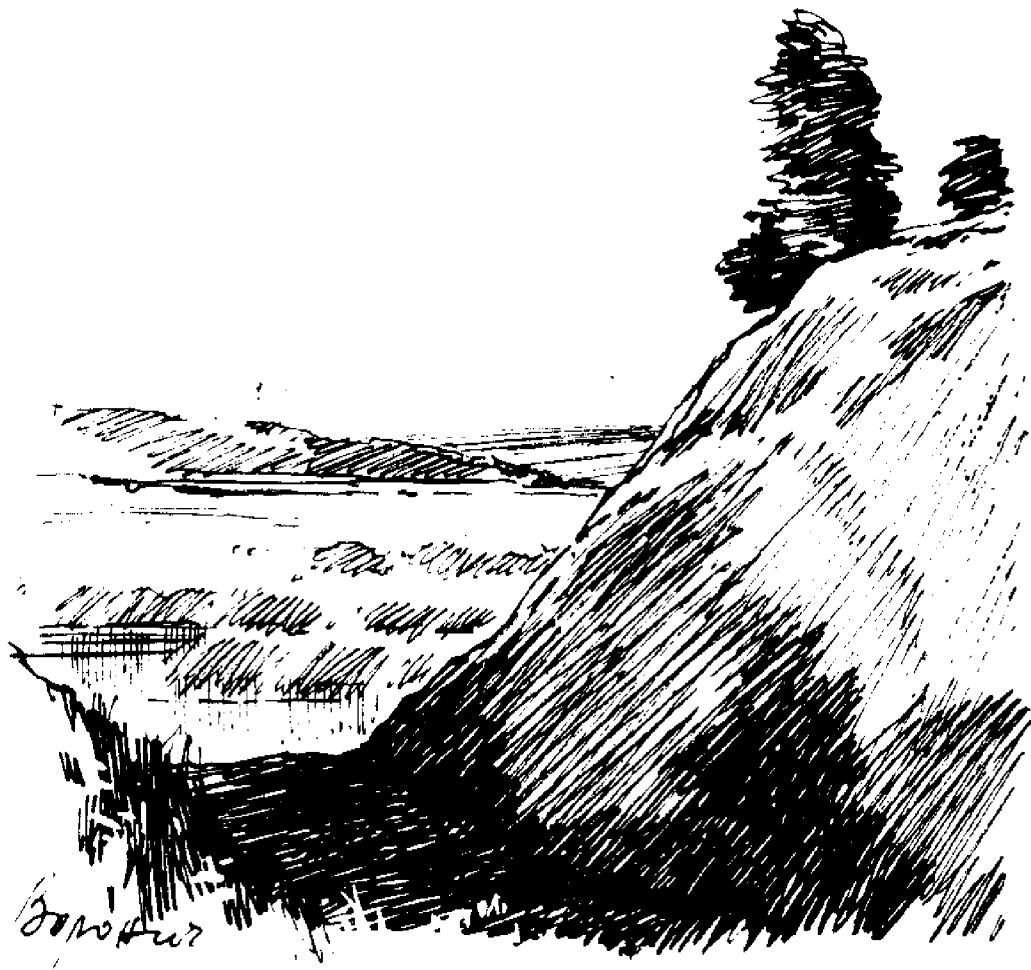
С XVII века земли бывшего пригорода, окружающих его многочисленных монастырей и церквей перешли в царскую вотчину, а затем были розданы дворянам. В частности, прадеду поэта А. П. Ганнибалу царица Елизавета пожаловала в 1742 году Михайловскую губу. Егорьевская губа, как уже упоминалось, согласно указу Екатерины II в 1762 году перешла во владение деда П. А. Осиповой — М. Д. Вындомского.

Берег на Сорети

Некогда в крепости было две церкви — Ильинская и Егорьевская. Следы Ильинской церкви почти совершенно утрачены. Находилась она в центре крепости, ближе к валу, на месте старого кладбища. Сохранились остатки фундамента Егорьевской церкви, сгоревшей в 1913 году, — основание каменной ограды и несколько интереснейших древних каменных надгробий XV—XVI веков.

Сын М. Д. Вындомского, отец П. А. Осиповой, А. М. Вындомский был похоронен на городище Воронич у восточной алтарной стены Егорьевской церкви в 1813 году. В 1881 году рядом с ним похоронили сына П. А. Осиповой — А. Н. Вульфа. Их могилы находятся под общим памятником — белым мраморным крестом.

Рядом под мраморной могильной плитой покоится прах мужа П. А. Осиповой — И. С. Осипова. Около него под такую же плитой в 1859 году похоронена сама хозяйка Тригорского — Прасковья Александровна Осипова.

К северу от остатков фундамента Егорьевской церкви между древними каменными крестами находится могильная плита В. П. Ганнибала, сына П. А. Ганнибала, владельца Петровского. Эта плита перенесена сюда в связи с перезахоронением его праха с погоста городища Воронич на территорию Пушкинского заповедника. Рядом могила И. Е. Раевского, легендарного пушкинского „попа Шкоды“.

В Егорьевской церкви 7 апреля 1825 года Пушкин вместе с А. Н. Вульф отслужил панихиду в годовщину со дня смерти Д. Байрона, сложившего свою голову в борьбе за независимость греческого народа.

Бывая в Михайловском, Пушкин с живым интересом знакомился с историческими памятниками прошлого, с событиями тех времен, о которых они напоминали. Он был в Велье, Опочке и, конечно, особенно часто бывал на городище Воронич, на Савкиной горке и в Святогорском монастыре.

Как тесно связана история создания „Бориса Годунова“ с этими местами, выразительно говорит фраза из первоначального названия трагедии:

„...Писано бысть Алексашкою Пушкиным.

В лето 7333

На городище Ворониче“.

Семейное сельское кладбище Осиповых-Вульф привлекало Пушкина своей поэтичностью и уединенностью.

С верхней точки крепостного вала, высота которого равна двадцати шести метрам, видны просторы полей, лугов, живописных окрестно-

стей Воронича. Все на городище связано с памятью о Пушкине. Это излюбленное место экскурсий и прогулок для всех посещающих Пушкинский заповедник.

С. С. ГЕЙЧЕНКО
ТРИГОРСКОЕ

Художник В. М. Звонцов

Редактор

В. И. Серебряная.

Художественно-технический

редактор И. К. Грейвер.

Корректор Н. А. Горячева.

М-18273. Подп. к печати 25/11 1965 г. Формат 70×108¹/₃₂.

Печ. л. 0,75+1 цв. вкл. Уч.-изд. л. 0,666. Привед. печ. л. 1,34.

Изд. № 239964. Тир. 50 000. Цена 6 коп.

Издательство „Художник РСФСР“. Ленинград, ул. Якубовича, 2/3.

ЦЛТ 4 Главполиграфпрома. Зак. 2267